

способен понять намек. Они приоткрывают дверь в затекстовое пространство сюжета — конструкт, условность, однако настойчиво актуализируемую самой ситуацией чтения, неожиданно прерванного в кульминационной точке.

Наряду с коммуникативным аспектом интерпретации заслуживает внимания и поэтологический. Не в силу своего буквального смысла, а благодаря соотносению с контекстом источника цитаты эти фразы входят в состав «готического кода» повести. Это важно, так как сложное взаимодействие готической традиции с другими жанровыми рядами, от фантастической повести до нарождающегося физиологического очерка, — один из важнейших факторов, определяющих художественную индивидуальность «Штосса».

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-51-61

© Л. Е. Мисайлиди

ПОСЛЕДНИЙ АДРЕСАТ К. Н. БАТЮШКОВА

Последние 10 лет своей жизни, с 1845 по 1855 год, Константин Николаевич Батюшков, душевная болезнь которого приняла в эти годы более спокойный характер,¹ провел в семье своего племянника и опекуна Григория Абрамовича Гревенса.²

Любопытные заметки о Батюшкове в эти годы оставил директор народных училищ Вологодской губернии А. С. Власов.³ Они рисуют поэта как человека хотя и страдающего психической болезнью, но сохранившего прекрасную память и эрудицию. Когда в доме бывали гости, Батюшков «употреблял всю энергию своего характера, чтобы сохранить приличие в обращении, и умел щеголять теми утонченными и остроумными манерами, которые составляли принадлежность образованного общества в конце

¹ Заболевание Батюшкова было наследственным: психическим расстройством страдали мать поэта Александра Григорьевна Батюшкова (урожд. Бердяева; ?–1795) и его сестра Александра Николаевна Батюшкова (1783–1841). Первые признаки болезни Батюшкова проявились в 1821 году в Дрездене, где он уничтожил произведения, написанные в Италии и Германии (см. об этом: Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 287–288). В 1822 году поэт вернулся в Петербург и вскоре уехал на Кавказ, а затем в Крым, где покушался на самоубийство и уничтожил книги и рукописи. В 1824 году был направлен в г. Пирну неподалеку от Дрездена в лечебницу доктора Э. Пиница (Пирница), специализировавшуюся на лечении душевных болезней. Вернулся в Россию в 1828 году в сопровождении доктора А. Дитриха (подробнее об этом см.: Шульпяков Г. Ю. «...Заживо познавший свой закат...» Из дневника доктора Антона Дитриха // Вопросы литературы. 2022. № 5. С. 254–271). С 1833 года жил в Вологде на попечении родных, первоначально в специально снятой для него квартире.

² Гревенс (Гревенц, Гревенец, Гревениц) Григорий Абрамович (1803–1882/1887) — сын старшей сестры поэта Анны Николаевны (1782–1809) и Абрама Ильича Гревенса (1760–1827). Выпускник Морского кадетского корпуса (1821), семь лет служил во флоте. В мае 1832 года переехал с семьей в Вологду. В 1833 году стал опекуном К. Н. Батюшкова. В 1834 году был утвержден почетным смотрителем Вологодского уездного училища, в 1839 — управляющим Вологодской удельной конторой. Подробнее о нем см.: Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий. Череповец, 2007. С. 203–245.

³ Власов Аникита Семенович (1812–1868) — учитель словесности. Занимал должность директора губернской гимназии и директора народных училищ с 4 июля 1852 года по 4 августа 1857 года. Инициатором заметок был товарищ министра народного просвещения кн. П. А. Вяземский, который собирал материалы для биографии Батюшкова (подробнее об этом см.: Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / Публ. В. А. Кошелева // Новиков Н. Н. К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005. С. 276–294). Характер заметок говорит о том, что Власов общался с представителями семьи Батюшкова не только по должности. Один из его учеников, будущий писатель П. В. Засодимский писал о нем так: «...человек довольно снисходительный к нам, к детям, и художник в душе» (Засодимский П. Из воспоминаний. М., 1908. С. 105).

прошлого столетия. Разговор его отличался решительными, резкими суждениями и по большей части сарказмом. <...>. Вообще говоря, он жил теми идеями и понятиями, которые вынес из сознательных годов своей жизни, и далее их не шел, ничего не заимствуя от современности, которой для него как будто не существовало. <...> Из светлого периода своей жизни Батюшков сохранил в своей памяти сильное удивление и высокое почитание талантов Наполеона I; он всегда с восторгом говорил об этом завоевателе нашего века». ⁴

Сохранилось пять писем поэта за эти годы: четыре письма были адресованы членам семьи, и только адресатом последнего письма от 28 сентября 1853 года был некий Петр Иванович Белецкий, о котором до недавнего времени почти ничего не было известно.

Позволю себе привести начало письма: «Льстивое письмо Ваше я получил, любезный Петр Иванович, при беспрестанном чтении моем на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова „Лисица и ворона“. За письмо Ваше я благодарен, равномерно за подарок портрета Наполеона: <так! — Л. М.> ему молюсь ежедневно». ⁵ Несколько фантастическое, свидетельствующее о болезни Константина Николаевича, оно собственно и посвящено только Наполеону, которого поэт славит на все лады, надеется вместе со своим корреспондентом увидеть его портрет в Академии художеств и завершает письмо следующим образом: «В ожидании сей новой моей прогулки в Академию художеств, которую приглашаю вас самих описать, и, пожелав вам возможных благ, пребуду верный ваш доброжелатель Константин Батюшков». ⁶ Без сомнения, письмо является свидетельством дружеского расположения поэта к своему адресату и отражает характер бесед, которые они вели.

Вместе с другими материалами, относящимися к Батюшкову, письмо впервые появилось в печати в 9-м номере журнала «Русская старина» за 1883 год. ⁷ Публикацию предварял очерк внучатого племянника поэта Петра Григорьевича Гревенса. ⁸ Очерк назывался «Константин Николаевич Батюшков в 1853 году». Все опубликованные материалы, включая биографический очерк и упомянутые в этом тексте рисунки поэта, в том числе и портрет Наполеона, в настоящее время хранятся в Литературном музее и Рукописном отделе Пушкинского Дома. ⁹

Возможность поработать с подлинниками этих материалов позволила обнаружить на последней странице рукописи очерка, посвященного Батюшкову, ранее неопубликованное письмо Петра Гревенса, обращенное к некоему Петру Ивановичу. В правом верхнем углу рукописи имеется запись карандашом: «получено 3 декабря 1853 года». Позволю себе процитировать фрагмент этого письма: «Вот и все, что я мог собрать, мой добрейший Петр Иванович, и, хотя давно бы должен вам отправить статейку, но виноват, замедлил по разным причинам. <...> Прилагаю при этом письмо Константина Николаевича». И прошу вас дополнить конец моей статьи, ибо хвалить себя нельзя. Отец мой два дня как воротился из вояжа и потому вам не пишет. Прощайте, обнимаю вас. Пишите скорее и побольше к преданному вам Гревенцу». ¹⁰

Поскольку в тексте упомянуто письмо Батюшкова, пересылаемое корреспонденту Петра Гревенса, то, без сомнения, Петр Иванович — это Петр Иванович Белецкий, по-

⁴ Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде. С. 279–280.

⁵ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 589.

⁶ Там же. С. 590.

⁷ Русская старина. 1883. № 9. Вып. 7–9. С. 551–552.

⁸ Гревенс Петр Григорьевич (1831–1866) — старший сын Г. А. и Е. П. Гревенсов. Выпускник Санкт-Петербургского университета (1852). Служил в Вологде. В 1860-х годах был предводителем дворянства Вологодского уезда. 17 ноября 1866 года покончил жизнь самоубийством из-за растраты казенных денег. Подробнее о нем см.: Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. С. 5, 238.

⁹ См. об этом: Мисайлиди Л. Е. «Собственность слепца Г. И. Шириева»: из истории формирования батюшковских фондов в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 58–74.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 146. Л. 6 об.

следний адресат поэта. Именно ему писал и молодой Гревенс. Возможно, Белецкому принадлежала идея написания и издания этого биографического очерка, которое по каким-то причинам тогда не было осуществлено.

Что же известно в настоящее время о корреспонденте Батюшкова и младшего Гревенса?¹¹

Петр Иванович Белецкий родился в 1819 году, окончил Петербургский университет в 1844 году, служил преподавателем истории во 2-м Кадетском корпусе. В 1849 году был необоснованно привлечен к следствию по делу М. В. Петрашевского по доносу агента П. Д. Антонелли.¹² Арест произошел 23 апреля, а 10 июля Белецкий был освобожден из-под стражи с отдачей под секретный надзор и запрещением преподавать. Но 17 июля был вновь арестован за оскорбление своего доносчика и 22 июля 1849 года сослан в Вологду под надзор полиции.

В поисках материалов о последнем адресате поэта удалось обнаружить «Документы следствия по делу П. И. Белецкого»¹³ в личном фонде крупного специалиста по петрашевцам Веры Романовны Лейкиной-Свирской, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Дело представляет собой машинописную копию с подлинников, находившихся в Ленинградском отделении Центрального государственного военно-исторического архива (ЛО ЦГВИА) и в Центральном государственном историческом архиве Москвы (ЦГИАМ). Вероятно, копия была сделана во время работы Лейкиной-Свирской над коллективным трудом «Дело петрашевцев» (В 3 т. М.; Л., 1937–1951). Часть материалов была использована авторами труда, в том числе и самой Лейкиной-Свирской.

Из этого издания можно узнать и об обстоятельствах ареста Белецкого, который произошел по недоразумению.¹⁴ Однако очевидно, что авторов труда личность учителя истории интересовала только в связи с его арестом и следствием. Архивное же дело содержит множество интереснейших материалов, касающихся нашего героя, в том числе и вологодского периода.

Из показаний Белецкого мы узнаем, что он происходил из мелкопоместных дворян Конотопского уезда Черниговской губернии. Окончил Черниговскую гимназию, пребывание в которой оплачивалось из доходов имения.¹⁵ Затем поступил в Петербургский университет на казенный счет, который окончил в звании действительного студента.¹⁶ На момент следствия родители Белецкого умерли. Оставались только братья и сестры.¹⁷

С 1846 года Белецкий преподавал историю во 2-м Кадетском корпусе, а с 1848 года и в 1-м Кадетском корпусе. Снимал квартиру на Васильевском острове в доме Траншеля, которую обыкновенно делил с кем-то из приятелей. В 1849 году Белецкий предложил временно поселиться у себя штабс-капитану Генерального штаба Павлу Алексеевичу

¹¹ Краткие биографические сведения о Белецком были приведены мною в статье «„Собственность слепца Г. И. Шириева“: из истории формирования батюшковских фондов в Пушкинском Доме» (см. прим. 9).

¹² Антонелли Петр Дмитриевич (1825–1885) — студент Петербургского университета. С декабря 1848 года был внедрен И. П. Липранди, состоявшим при министре внутренних дел, в общество М. В. Петрашевского. Донесения Антонелли на имя И. П. Липранди стали главным материалом для обвинения петрашевцев и вынесения им суровых приговоров.

¹³ РНБ. Ф. 1160. № 207.

¹⁴ Любопытно отметить, что в предшествующей литературе Белецкий наряду с некоторыми другими лицами рассматривался как пропагандист идей М. В. Петрашевского (см.: *Бельчикова Н. Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л., 1936. С. 198).

¹⁵ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 89.

¹⁶ Закончив курс обучения в 1843 году, Белецкий, желая получить степень кандидата, еще год оставался в университете в качестве вольнослушателя, однако экзамен сдал неудовлетворительно и степень кандидата не получил (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 9. № 627. Л. 7–7 об.).

¹⁷ В вологодском архиве в списках состоящих под надзором полиции лиц имеются сведения о Белецком, в частности, указаны братья: Константин, Тимофей, Иван (Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 130. Оп. 2. № 17. Л. 89–90). Сведения о пребывании Белецкого в Вологде из Государственного архива Вологодской области предоставлены И. В. Чекаловой, за что приношу ей сердечную благодарность.

Кузьмину,¹⁸ с которым был знаком ранее. С весны 1848 года Кузьмин посещал собрания Петрашевского, о чем Белецкий, по-видимому, не подозревал.

Находящееся в деле Белецкого письмо Кузьмину, датированное 25 сентября 1848 года, свидетельствует о непростом периоде в жизни преподавателя, готового оставить педагогическое поприще, не оправдавшее его ожиданий. «Со вторым корпусом делается беда: воспитанники не имеют ни получеловеческих, ни скотских понятий. <...> И это-то общество будет называться образованным народонаселением Руси! В первом корпусе любознательнее; зато охотно читаешь предмет, но все-таки тяжело носить бремя учительское, пренебреженное обществом целой России; да и по справедливости: учитель военно-учебных заведений есть плебей. Поступая в эту службу, он добровольно лишает себя всяких прав; без суда и расправы у него отнимается, уменьшается, увеличивается жалованье. Он каждый день должен трепетать за свое благосостояние, а апелляции нет никакой. Кто же станет уважать того, кто добровольно сделался рабом...».¹⁹

Как мы видим, перед нами мыслящий, полный чувства собственного достоинства человек, не желающий мириться со своим положением, готовый ради этого перейти в гражданскую службу.

Предложение Кузьмину разделить с ним квартиру оказалось для Белецкого роковым. 16 апреля 1849 года у Кузьмина собрались гости, в числе которых оказались, с одной стороны, Петрашевский и П. А. Баласогло, посещавший собрания у Петрашевского, с другой стороны, агент корпуса жандармов Антонелли. На вечер был приглашен и Белецкий. Несомненное доверие, которое он испытывал по отношению к Кузьмину, позволило ему свободно выражать свои взгляды, умеренно либеральные, впрочем, и иронически отзываться о своем училищном начальстве. Характеристики, которую дал Белецкому в своем донесении Антонелли, видевший его впервые, оказалось, впрочем, вполне достаточно для ареста. Из донесения: «Белецкий — это такое существо, которое так и напрашивается на оплеуху или петлю».²⁰ Собственно, донос Антонелли строился, с одной стороны, на словах Белецкого о классе в 1-м Кадетском корпусе, из которого «выйдут люди, которые двинут Россию вперед»,²¹ с другой, на рассказе, похожем на анекдот, о маленьком кадете, который на вопрос, кто такой Авраам, «отвечал, что Авраам, есть миф, представляющий образ пастушеской жизни древних евреев».²² Любопытно, что и Кузьмин, и Баласогло на допросе утверждали, что слов Белецкого не слышали, так как находились в другой комнате. Впрочем, несомненный интерес представляет характеристика Белецкого, данная ему Кузьминым на допросе: «Белецкий, по моему мнению, воспользовался учением, но не имел случая приобрести образованности светской; живой, энергический характер и резкость выражений часто заставляют делать невыгодное об нем заключение».²³

Белецкого допрашивали 6 мая в один день с братьями Достоевскими и Кузьминым. В «Записках для сведения», веденных в 1849 году управляющим III отделением Собственной Его императорского величества канцелярии Л. В. Дубельтом, читаем: «Ответы Достоевского 2-го (Ф. М. Достоевского. — Л. М.) и Белецкого не заключают в себе ничего положительного и оба просили дозволения представить письменно свои показания».²⁴ В «Деле Белецкого» такие показания имеются и датируются 27 мая 1849 года.

Отвергая обвинения, Белецкий пишет: «Бумаги мои и вся переписка находятся в руках правительства — они скажут за себя сами. Следовательно, я замаран только од-

¹⁸ Кузьмин Павел Алексеевич (1819–1885) — штабс-капитан Генерального штаба, генерал-лейтенант (1881). Привлекался по делу петрашевцев, но через пять месяцев был отпущен. Впоследствии чиновник Оренбургского, а затем Киевского военно-окружного суда. Автор записок: Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузьмина // Русская старина. 1895. Т. 83. № 2. С. 154–173; № 3. С. 85–91; № 4. С. 71–86.

¹⁹ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 24.

²⁰ Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 438.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Т. 2. С. 32.

²⁴ Дубельт Л. В. Записки для сведения. 1849 // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая сер. MMIV. М., 2005. С. 169.

ним не понявшим и не знавшим меня обвинителем».²⁵ По словам Белецкого, готового к очной ставке с обвинителем, тот лишил его возможности оправдания перед правительством, так как заподозрил «чистоту» его «совести и нравственности»: «Он скажет, я не мог не знать о существовании тайного общества, приняв к себе — хоть и временно — штабс-капитана Кузьмина и позволив ему пригласить некоторых видных людей на вечер, которого участником был сам».²⁶ Следует отметить, что Белецкий вступается за Кузьмина, отмечая его благородство и невозможность участия в каких-либо обществах.

Показания Белецкого приобретают характер обвинения: «Впрочем, где дело идет о заподозрении совести и нравственности, этих двух тайников души, там оправдание, если и не невозможно, зато очень трудно, особенно в подобном случае и в нынешнее время. Тут уже клевета вступает во все незаконные права: двусмысленное выражение, без умысла оброненное в письме отца, матери, брата, сестры, университетского товарища, сомнительная строка в собственных бумагах, запрещенная книга, приобретенная и прочтенная из одной любознательности: все эти обстоятельства — на которые при благоприятных обстоятельствах самая строгая цензура не обратила бы внимания, в настоящем моем бедствии послужат поводом к увеличению причин для моего обвинения».²⁷

Личность Белецкого, без сомнения пылкую, отличало обостренное чувство чести. В заключение он беспокоится о расчете с различными лицами: речь идет о плате за квартиру владельцу дома, о задолженности прислуге, оставшейся не только без денег, но и без паспортов. Все эти заботы Белецкий предполагал возложить на художника А. И. Денъера,²⁸ который должен был стать его соквартирантом, но в связи с арестом Белецкого с квартиры съехал. Именно о свидании с Деньером он и просил следственный комитет. Не располагая свободными средствами, Белецкий хотел поручить Деньеру продажу мебели и своего гардероба, получение жалованья в 1-м и 2-м Кадетских корпусах, расчет с вышеозначенными лицами и др.

Из «дела петрашевцев» известно, что вопросник, который предлагался при допросе некоторым лицам, проходившим по этому делу, включал в себя вопрос о знакомстве с Белецким. Все, кому задавался этот вопрос, отвечали на него отрицательно, за исключением, конечно, Кузьмина — и это понятно. Для выяснения справедливости обвинений в адрес Белецкого были разосланы записки директору 1-го Кадетского корпуса О. С. Лихонину и директору 2-го Кадетского корпуса А. И. Бибикову, которые прислали свои ответы, вполне нейтральные. Бибиков, например, характеризовал Белецкого как «сведущего и способного преподавателя», но в силу молодости отличающегося некоторой хвастливостью.²⁹

Только 9 июля 1849 года было отправлено предписание военного министра кн. А. И. Чернышева, сообщавшего председателю следственной комиссии И. А. Набокову монаршую волю об освобождении Белецкого.³⁰ Важной частью воли императора было следующее указание: «...учителя истории, действительного студента Петра Белецкого отнюдь не употреблять на службу ни по военным, ни по гражданским учебным заведениям».³¹ Именно с такой формулировкой Военное министерство отправило письмо в Министерство народного просвещения, которое в свою очередь разослало предписания под грифом «секретно» в Учебные округа Петербургский, Дерптский, Казанский, Харьковский, в Главные управления Восточной и Западной Сибири,

²⁵ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 74.

²⁶ Там же. Л. 75.

²⁷ Там же.

²⁸ Деньер Андрей Иванович (1820–1892) — художник, известный фотограф. В 1842–1849 годах — вольноприходящий ученик Академии художеств. Учился под началом К. П. Брюллова по классу исторической живописи. Еще будучи студентом, увлекся фотографией. В 1851 году открыл «Дагерротипное заведение художника Денъера». Вскоре занялся собственноручно фотографией, часто раскрашивая снимки акварелью. В 1860 году получил звание «Фотограф их Императорских Величеств».

²⁹ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 64–65.

³⁰ Там же. Л. 93.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. № 627. Л. 1.

в Кавказский комитет, откуда были отправлены соответствующие подтверждения.³² В одном из писем военного министра содержалось уточнение: «...воспрещение это распространяется и на обучение детей в частных учебных заведениях и частных домах, в коих правительство не может так близко наблюдать за направлением и духом преподавания, как в казенных учреждениях».³³

Последующие события были описаны Кузьминым в его «Записках»: «А бедный Петр Иванович Белецкий, которого выпустили из крепости, продержав не более месяца, имел несчастье встретиться с Антонелли, и этот негодяй осмеливается обратиться к Белецкому, как знакомый. Белецкий, видевший Антонелли всего один раз, когда тот навязался, так сказать, ко мне на вечер 16-го апреля, извиняется, что не знает, кто он такой, и Антонелли имеет нахальство назвать свою фамилию, напомнив, что был в его квартире. Белецкого это взорвало, и он высказывает: „Как! Вы гнусный, подлый человек, осмеливаетесь подходить ко мне, — прочь, негодяй!“ Ударил ли Белецкий шпиона или нет, не знаю; жаль, ежели не ударил, потому что, по жалобе Антонелли, Белецкого сослали в Вологду на подножный корм, и он должен был прожить там до весны 1853 года, когда ему позволили возвратиться в Петербург».³⁴

Казалось бы, благодаря аресту, Белецкий был избавлен от необходимости преподавания и мог наконец-то уйти в гражданскую службу, о которой мечтал годом ранее. Но 17 июля по жалобе Антонелли от 16 июля был доставлен в штаб жандармов. В своих «Записках для сведения» Дубельт, освещая происшедшее, указывает, что Белецкий, «встретив на улице чиновника 14-го класса *Антонелли*, укорял его за донос и оскорбил обидными выражениями».³⁵ Так было вынесено решение: выслать Белецкого в Вологду под строжайший надзор полиции.³⁶ На полях дневника Дубельта император написал карандашом: «Туда и дорога».³⁷

Как же сложилась жизнь ссыльного в первое время его пребывания в Вологде? В «Ведомости находящимся под надзором полиции лицам, проживающим в 1 части Вологды» за 1849 год читаем: «Бывший учитель 1-го Кадетского корпуса Петр Белецкий <...>. Чем себя содержит: содержит себя деньгами, привезенными с собою. Занятия никакого не имеет. По недавнему пребыванию Белецкого в Вологде решительного отзыва о поведении его сделать нельзя, впрочем, ничего предосудительного не замечено. Знакомство ведет с находящимися под надзором полиции лицами».³⁸ В дневнике выпускника Вологодской губернской гимназии Кирилла Антоновича Березкина описана встреча с Белецким 13 августа 1849 года: «Был я еще у Корелкина,³⁹ на этот раз застал его дома, к нему тут пришел сосланный сюда под надзор полиции учитель р<усской> истории в первом кадетском корпусе, Белецкий, молодой человек довольно умный, умный, но кажется нынешнего века, вольнодумен, я немного с ним познакомился. По обыкновению советует ехать в университет учиться...».⁴⁰

Свою вологодскую жизнь сам Белецкий подробно излагает в письме к начальнику Штаба военных учебных заведений Якову Ивановичу Ростовцеву,⁴¹ состоявшему чле-

³² Там же. Л. 10–10 об., 11–12, 14–14 об.

³³ Там же. Л. 4.

³⁴ Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузьмина // Русская старина. 1895. Т. 83. № 4. С. 77–78.

³⁵ Дубельт Л. В. Записки для сведения. С. 218.

³⁶ См. письмо военного министра кн. А. И. Чернышева министру внутренних дел гр. Л. А. Перовскому: РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. 1849 г. № 1173. Л. 1–1 об.

³⁷ Дубельт Л. В. Записки для сведения. С. 218.

³⁸ ГАВО. Ф. 130. Оп. 2. № 5. Л. 44 об. — 45.

³⁹ Имеется в виду уроженец Вологды Николай Петрович Корелкин (1830–1855), на тот момент студент историко-филологического отделения философского факультета Санкт-Петербургского университета, удостоенный в 1849 году золотой медали за «Рассуждение о языке летописи Нестора» (закончил университет в 1850 году в звании кандидата).

⁴⁰ Дневник Кирилла Антоновича Березкина. СПб., 2014. С. 231–232.

⁴¹ Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) — граф, генерал от инфантерии, член Государственного совета. Выпускник Пажеского корпуса, с 1822 года служил в лейб-гвардии Егерского полку. В ноябре 1825 года был принят Е. П. Оболенским в члены «Северного общества». 12 дека-

ном Следственной комиссии по делу петрашевцев.⁴² Письмо датируется 12 января 1852 года. Поводом для него послужила, по-видимому, устная просьба Ростовцева, обращенная к вологодскому дворянину Ивану Николаевичу Эндаурову,⁴³ разузнать о судьбе ссыльного учителя истории. По-видимому, именно Эндауров Белецкий был обязан изменением своей участи и почел своим долгом написать письмо Ростовцеву и выразить ему признательность «за сожаление о человеке погибшем», как пишет о себе Белецкий.

С обезоруживающей откровенностью он описывает свою вологодскую жизнь без просвета и надежды. Следует вспомнить, что Белецкий не имел никаких доходов кроме жалованья, которое прекратили выплачивать после его ареста. «Что такое я в Вологде? Ссылный, без имени, без средств: вот моя репутация! Она дает огромный простор оскорблениям и запирает вход к людям достойным, потому что в интересах их жизни бедняк, да еще заподозренный от правительства, участвовать не может. Безывестность, уединение — единственный удел злополучия».⁴⁴

Белецкий берет на себя смелость в этом письме не жаловаться, но на своем примере описать типичную судьбу ссыльного, отверженного обществом, лишенного средств к существованию и возможности их заработать. «Ваше превосход<ительст>во, — пишет Белецкий, — лицам, подобно вам удостоенным высокого доверия у его величества государя императора, иногда не мешает знать, какая участь постигает бедняка, над которым правительство, приводя в исполнение свой приговор, бросает злосчастного, хотя бы то и виновного на произвол судьбы».⁴⁵

А вот его личная история: «Уже два с половиной года я имею несчастье в буквальном смысле слова пресмыкаться в Вологде. Средств к жизни у меня нет. Заработок, к которому приспособлен, запрещен правительством. Более года у меня не было медной копейки».⁴⁶

Пытаясь определиться на службу, Белецкий обратился к губернатору Степану Григорьевичу Волховскому,⁴⁷ который, ссылаясь на отсутствие рекомендаций военного министра, вынужден был отказать ему в просьбе, но, тем не менее, предложил

брю совершил поступок, воспринятый многими как предательство: вручил вел. кн. Николаю Павловичу письмо с предупреждением о возможном заговоре и уговаривал отказаться от трона. Об этом сообщил друзьям Оболенскому и К. Ф. Рылеву. Участвовал в подавлении восстания, где был ранен. В качестве адъютанта вел. кн. Михаила Павловича участвовал в турецкой (1828) и польской (1831) кампаниях. С 1835 года занимал должность начальника штаба по военно-учебным заведениям. В этом качестве составил свод законов о подведомственных ему учреждениях (1837), «положение» об управлении ими (1843) и «наставление» для образования их воспитанников (1848), привлекал лучших преподавателей, совершенствовал систему руководства кадетскими корпусами и т. д. Ростовцеву принадлежала идея издания «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (1836–1865), главным редактором которого был сам. Член Следственной комиссии по делу петрашевцев (1849), ходатайствовал о смягчении наказания Н. Я. Данилевскому, Ф. М. Достоевскому, С. Ф. Дурову и др. С 1857 года — член Секретного комитета по крестьянскому делу, в 1859 году был председателем Редакционных комиссий. Его программа отмены крепостного права легла в основу Положений 19 февраля 1861 года.

⁴² РНБ. Ф. 1160. № 208. Л. 1–6. Письмо является копией, сделанной Лейкиной-Свирской с документа ЦГИАМ.

⁴³ Эндауров Иван Николаевич — полковник лейб-гвардии Уланского полка. Владел имением Братково в Вологодской губернии. Отличался либеральными взглядами. Находился в родстве с Ростовцевым, которому был обязан местом члена Вологодского губернского комитета (1858–1859); губернские комитеты занимались разработкой условий отмены крепостного права в России (составителем программы занятия в походе русской армии против Наполеона. Эндауров — один из авторов Положения об улучшении и устройстве быта вологодских крестьян 1859 года.

⁴⁴ РНБ. Ф. 1160. № 208. Л. 1.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ Волховский Степан Григорьевич (1786–1858) — тайный советник, сенатор, в 1841–1850 годах — вологодский губернатор. Выпускник Московского благородного пансиона (1801). По окончании служил в Главном почтовом управлении, с 1811 года — в канцелярии Министерства внутренних дел. В 1815 году принимал участие в походе русской армии против Наполеона. В 1833–1841 годах — председатель Вологодской казенной палаты. В 1850–1853 годах — самарский губернатор.

выполнить работу, которая давала ссыльному шанс проявить себя и, возможно, получить место. Вот как описывает это предложение Белецкий: «„Рассмотрите вот эту записку о писцовых книгах,⁴⁸ и скажите мнение о ней“. Дело касалось чисто до моего предмета — русской истории. Я взялся за него сначала по обязанности, а потом по увлечению. Оказалось, что книги эти — копии с подлинников, относящихся до всего XVII — и начала XVIII столет<ия>, т. е. до решительной реформы в устройстве государства Петра В<еликого>. Материалы, в этих книгах заключающиеся, весьма важны. Интерес их содержания превзошел мои ожидания. Записка о них оказалась негодной. Я составил подробный план надлежащей обработки, представил губернатору, он одобрил. Оставалось работать».⁴⁹ Предполагалось, что вся работа будет закончена в течение двух лет, а затем ее можно будет представить в Академию наук.

Но для подобной работы необходима была специальная литература. Бывший учитель истории написал в Петербург своим бывшим одноклассникам, но ответа не получил, по-видимому, из опасения связей со ссыльным. В итоге Белецкий предложил учителям местной гимназии, преподававшим историю и правоведение, принять участие в выписке извлечений из писцовых книг. «Мы решили, — пишет Белецкий, — в продолжение года окончить приготовительные работы, т. е. сделать извлечение из писцовых книг, их более десяти, и каждая тысячи в две страниц обыкновенной писчей бумаги. — Объяснив им приемы дела, сам я поспешал окончанием извлечений из тотемской писцовой,⁵⁰ чтобы на опыте показать процесс работы и соблюсти единство, необходимое в сотрудничестве».⁵¹

Однако и здесь Белецкого подстерегал злой рок. Во время приезда в Вологду из Петербурга для инспектирования гимназии кн. Г. А. Щербатова⁵² директор вологодских училищ⁵³ из опасений за благонравие своих подчиненных попросил князя выслать куда-нибудь подальше нашего незадачливого историка. В итоге князь посоветовал учителям прекратить сношения с Белецким. Прежние его товарищи, которые должны были с ним вместе заниматься «извлечениями» из писцовых книг, не объяснили ничего не только князю, но и самому Белецкому, а при встрече сказали, что «опасаются за последствия знакомства»⁵⁴ с ним, так как о нем ходит «дурная молва».⁵⁵ Так человек, для которого эта работа была последней надеждой, получил незаслуженное оскорбление и потерял возможность завершить начатое.

Прошло время, прежде чем он узнал все обстоятельства происшедшего. В то же время губернатор, ожидавший результатов работы, стал относиться к Белецкому с недоверием: «В его глазах я казался обманщиком. Извинять же свою медлительность затруднительностью положения было неловко, стыдно. Это бы выразило нетерпеливость нрава, ропот и унижительную просьбу о подаании».⁵⁶ Следует отметить сильно развитые самолюбие и щепетильность Белецкого. Вскоре он остался и вовсе без покровителя: в ноябре 1850 года Волховский получил назначение возглавить вновь организованную Самарскую губернию.

На момент написания письма Белецкий уже более года находился на службе у вологодского помещика, который, не имея возможности выплачивать ему жалованье,

⁴⁸ Писцовые книги содержали детальное описание условий хозяйствования вотчин, сел, монастырей России с XV до середины XVII века.

⁴⁹ РНБ. Ф. 1160. № 208. Л. 2–3.

⁵⁰ Речь идет о писцовой книге г. Тотмы Вологодской губернии.

⁵¹ РНБ. Ф. 1160. № 208. Л. 3–4.

⁵² Речь идет о помощнике попечителя Санкт-Петербургского учебного округа кн. Григории Алексеевиче Щербатове (1819–1881), который занимал эту должность с 1850-го до апреля 1855 года.

⁵³ С 1 сентября 1833-го по 31 января 1852 года эту должность занимал Андрей Васильевич Башинский. Один из учеников характеризовал его как человека малообразованного, подчинявшегося инспектору, который проповедовал «благонравное поведение, благочестие, смирение, повиновение властям» (Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 8–9).

⁵⁴ РНБ. Ф. 1160. № 208. Л. 4.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

мог только предоставить ему приют, так как его предприятие было новым, а помещик был небогат. В обязанности ссыльного входило наблюдение за выработкой сигар и продажа их в магазине. «А писцовые книги лежат, — пишет он, — времени нет, а главное, нет особой комнаты. Печально, да что же делать. Виды на гражданскую службу я оставил. <...> Я не ропщу и не жалуясь на свое положение, привык к нему; ко всему можно привыкнуть. Но невольный одолевает страх, когда подумаешь, отчего злосчастного имеет право оскорблять каждый и почему правительство, наказывая виновного, ни малейшего внимания не обращает на его поступки, иногда не лишённые доблестной кротости. Будто заживо погребают».⁵⁷

Нужно отдать должное нашему герою: он имеет смелость сказать правду в лицо представителю власти. Это шаг отчаяния, но и надежды на благородство человека, который вспомнил о нем.

Выражая признательность Ростовцеву в конце письма, Белецкий очень тепло отзывается об Иване Николаевиче Эндаурове, который, по-видимому, принял активное участие не только в улучшении положения ссыльного, но и ввел его в дом племянника Батюшкова Григория Абрамовича Гревенса, занимавшего на тот момент должность управляющего Удельной канторой.

Письмо Батюшкова и в особенности письмо Петра Гревенса свидетельствуют о том, что в этой семье Белецкого полюбили. Личное общение Петра Ивановича с семейством Гревенсов и Батюшковым продолжалось примерно полтора года, считая от даты письма Ростовцеву до отъезда Белецкого из Вологды. За это время он стал своим в этом без преувеличения избранном кругу. Об этом свидетельствует и доверительный тон письма Петра Гревенса Белецкому: «Сделайте милость, Петр Иванович, зайдите в магазин Смирдина, узнайте о книгах, которые мы желаем иметь от него, скоро ли он вышлет, и, кроме того, по прилагаемой квитанции справьтесь, отчего из магазина до сих пор не высылают нам тех книг, на которые мы послали 12 рублей».⁵⁸ Сохранилась небольшая часть библиотеки Григория Абрамовича Гревенса: 125 томов в изящном оформлении с экслибрисом владельца.⁵⁹ Это по преимуществу книги гуманитарного содержания, в том числе по русской и всемирной истории, которые могли привлечь внимание бывшего учителя. Можно предположить, что Белецкий рассказывал новым знакомым и о своих занятиях писцовыми книгами.

Возвращаясь к письму Батюшкова, можно без преувеличения сказать, что в лице ссыльного поэт нашел заинтересованного собеседника. Как историку, Белецкому, без сомнения, были важны рассказы Константина Николаевича о прошлом, прежде всего о войнах с Наполеоном, как свидетельства очевидца тех событий, даже если они были окрашены фантазиями рассказчика.

По-видимому, поэт увидел в своем новом знакомце и любителя искусств. Возможно, среди знакомых Белецкого наряду с Деньером были и другие художники, он наверняка бывал на выставках в Академии художеств и прекрасно знал сочинение Батюшкова «Прогулка в Академию художеств», о котором идет речь в письме.

Для ссыльного преподавателя Константин Николаевич был, несомненно, человек-легенда: и как поэт, и по связям с выдающимися людьми своего времени. В то же время для самого Батюшкова был важен молодой заинтересованный слушатель, каковым, собственно, и являлся Белецкий.

Продолжал ли Белецкий заниматься писцовыми книгами?

В журнале «Русский архив» за 1915 год было опубликовано письмо Белецкого от 1 октября 1852 года, адресованное историку и археографу, академику Петербургской академии наук Якову Ивановичу Бередникову⁶⁰ и содержавшее просьбу Белецкого

⁵⁷ Там же. Л. 5–6.

⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 146. Л. 6 об.

⁵⁹ Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. С. 231–234.

⁶⁰ Бередников Яков Иванович (1793–1853) — русский историк и археограф, академик Петербургской академии наук (1847). Учился в Казанском и Московском университетах, где занимался русской историей под руководством М. Т. Каченовского. После окончания служил по разным ведомствам. С 1830 года главным занятием его жизни была работа в Археографической комиссии. Участник Археографической экспедиции П. М. Строева. В 1838 году был назначен

о содействии в возможности продолжения работы с писцовыми книгами, которые на тот момент были у него отобраны.⁶¹ В письме была изложена история этих занятий, которая нам известна. В то же время подробно описаны сами книги, их содержание, состояние, уникальные сведения, которые ему удалось из них извлечь. Из текста письма очевидно, что Белецкий был страстно увлечен своим предметом и понимал «подлинное значение для науки» писцовых книг.⁶² Автор публикации И. П. Мордвинов дает следующую характеристику Белецкому-исследователю: «Человек этот стремился отдать свою жизнь на многотрудную, кропотливую, невидную работу над этими глубоко поучительными, но и безмерно скучными для непосвященных источниками. Работу эту понимал он, по-видимому, вполне верно и сделал бы ее в доступных ему пределах честно, но судьба не позволила, кажется, ему осуществить свою заветную мечту».⁶³ К сожалению, личность автора письма публикатору была неизвестна.

В 1853 году Белецкий пытался опубликовать статью «О значении писцовых книг» в «Вологодских губернских ведомостях». Так, в Государственном архиве Вологодской области имеется следующий документ, который датируется 23 июня 1853 года: «Господину директору Училищ Вологодской Губернии. ⁶⁴ Препровождая при сем рукописную статью „О значении писцовых книг. Соч. Петра Белецкого“ С.-Петербургский цензурный комитет находит эту статью неподходящей для помещения в „Губернских Ведомостях“, хотя она с некоторыми исключениями, и могла бы быть помещена в ученом журнале».⁶⁵

Узнал об этом Белецкий уже в Петербурге, куда он возвратился в конце мая 1853 года.⁶⁶ В Российском государственном историческом архиве хранится письмо начальника III отделения гр. А. Ф. Орлова, адресованное министру внутренних дел Д. Г. Бибикову от 16 апреля 1853 года с известием о прощении Белецкого: «По всеподданнейшему моему ныне докладу поступившего ко мне ходатайства о нем, государь император изволил всемилостивейше простить Белецкому поступок, бывший поводом высылки его в Вологду...».⁶⁷ В то же время запрет на преподавание в военных и гражданских учебных заведениях оставался в силе.

Как же сложилась жизнь бывшего изгнанника по возвращении в Петербург?

Из Полного послужного списка Белецкого, составленного в июле 1867 года в связи с его переходом из Морского министерства в Министерство народного просвещения, можно себе представить все этапы его прохождения по служебной лестнице после возвращения из ссылки начиная с 1855 года.⁶⁸ Где и как провел Белецкий два года до поступления на службу, нам неизвестно. 28 августа 1855 года он был определен в Медицинский департамент Морского министерства в должности помощника столоначальника. 20 февраля 1860 года назначен младшим помощником делопроизводителя Инспекторского департамента.

2 ноября 1859 года последовало высочайшее соизволение «поступать на службу по всем учебным заведениям за исключением заведений, состоящих в военно-учебном ведомстве».⁶⁹

Это позволило Белецкому в 1867 году просить о переводе в Министерство народного просвещения на открывшуюся вакансию младшего делопроизводителя.⁷⁰ Но-

главным редактором Археографической комиссии, в этой должности приступил к изданию Полного собрания летописей и успел издать до своей кончины первые шесть томов.

⁶¹ К истории изучения писцовых книг // Русский архив. 1915. Кн. 3. Вып. 9. С. 8–17.

⁶² Там же. С. 8.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Речь идет об уже упоминавшемся авторе «Заметок о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде» А. С. Власове (см. прим. 3).

⁶⁵ ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. № 2028. Л. 56.

⁶⁶ Свидетельство на свободное следование из Вологды было выдано Белецкому 20 мая 1853 года (см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. 1849 г. № 1173. Л. 7–7 об.).

⁶⁷ Там же. Л. 4–4 об. Стоит обратить внимание на упоминание ходатая, имя которого в письме не указано. Возможно, им мог быть Ростовцев.

⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 120. № 466. Л. 4–12.

⁶⁹ Там же. Л. 43–44.

⁷⁰ Там же. Л. 1.

вому назначению предшествовала переписка между министерствами и Морского министерства с Управлением III отделения для выяснения возможности службы в Министерстве народного просвещения в связи с его нахождением под следствием в 1849 году.⁷¹

На новом месте службы Белецкий получил должность делопроизводителя VI класса. При этом в чинах он прошел путь от губернского секретаря до коллежского советника. Хотя бывший учитель истории не стал столоначальником, тем не менее, сумел сделать неплохую карьеру: чин коллежского советника приравнялся к званию полковника. Однако продолжить свое продвижение по службе он уже не смог: 4 сентября 1870 года в возрасте 48 лет Петр Иванович Белецкий скончался от холеры.⁷²

В 1848 году в письме к Кузьмину Белецкий писал о своем желании перейти на гражданскую службу: «...там хоть лет через десять будешь столоначальником». ⁷³ В то же время ему было важно не оставлять ученых занятий: «...с книгой я сроднился за тридцать лет моей жизни». ⁷⁴ Вероятно, при более удачном стечении обстоятельств вполне могла бы сложиться его ученая карьера, начатая в Вологде с изучения писцовых книг.⁷⁵

В судьбе Белецкого удивительным образом соединились две эпохи русской жизни. По социальному статусу, мировоззрению, взглядам он, несомненно, относился к поколению сороковых годов и мог бы стать героем Достоевского. В то же время волею судьбы в Вологде он попал в окружение Константина Николаевича Батюшкова, принадлежавшего к блистательной, но уже ушедшей эпохе.

Публикуемые нами материалы о Петре Ивановиче Белецком из российских архивов дают возможность расширить представление об окружении Батюшкова последних лет его жизни, в то же время они по-новому освещают социально-политическую картину России середины XIX века на примере незаурядной личности человека, случайно оказавшегося в эпицентре истории.

⁷¹ Там же. Л. 2, 3, 13–19.

⁷² Вдова Белецкого Евдокия Яковлевна, урожд. Ревуцкая, оставалась после его смерти с двумя маленькими детьми Верой и Владимиром. В ноябре переехала вместе с ними в родовое имение мужа — с. Дмитровка Конотопского уезда Черниговской губ., где 20 декабря того же года родила сына Петра (см.: Там же. Л. 33–34, 50–50 об.).

⁷³ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 24.

⁷⁴ Там же. Л. 26.

⁷⁵ Судьба писцовых книг, которыми занимался Белецкий, неизвестна. Возможно, некоторые из них были описаны и вошли в издание: Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. М., 2008; Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века. Вологда, 2018. Т. 3. Возможно, они еще ожидают своего нового исследователя и публикатора.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-61-68

© Е. Б. Смагина

МОТИВЫ БИБЛЕЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕМУДРОСТИ» В АФОРИЗМАХ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

В № 80 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1854 год была опубликована анонимная статья «Русская журналистика», которая содержит, в частности, обзор журнала «Современник» и приложения к нему «Ералаш». В числе прочего речь в ней заходит о публикации «произведений Козьмы Пруткова». Автор обзора упрекает пародиста за неактуальность («нет цели, нет современности, нет жизни»; оригиналы пародий, по его словам, уже лет пятнадцать как устарели) и еще за что-то, не совсем понятное:

32. *Vidiaeva N. N.* Povest' «Shtoss» v kontekste tvorchestva M. Iu. Lermontova. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pskov, 2005.
33. *Vinogradova O. N., Karpenko A. V.* Pushkinskie motivy v «Shtosse» M. Iu. Lermontova // *Perekrestki vzaimodeistvii: dialog russkoi i zarubezhnoi literatury vo vremeni i prostranstve. Materialy vos'mykh mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii «Kaluga na literaturnoi karte Rossii»: V 2 ch.* Kaluga, 2022. Ch. 2.
34. *Virolainen M. N.* Gogol' i Lermontov (problema stilisticheskogo sootnosheniia) // *Lermontovskii sbornik*. L., 1985.
35. *Zaslavskii O. B.* O khudozhestvennoi strukture neokonchennoi povesti Lermontova // *Russian Literature*. 1993. Vol. 34. № 1.
36. *Zaslavskii O. B.* Povest' Lermontova «Shtoss»: ideinaia struktura i siuzhet // *Izvestiia RAN. Ser. literatury i iazyka*. 2013. T. 72. № 4.
37. *Zaslavskii O. B.* Zakonchen li «Shtoss»? // *Izvestiia RAN. Ser. literatury i iazyka*. 2012. T. 71. № 4.
38. *Zhiliakova E. M.* Roman V. Skotta «Priklucheniia Naidzhela» i proza M. Iu. Lermontova. Stat'ia vtoraia // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya*. 2014. № 4 (30).
39. *Zhuravleva A. I.* Lermontov v russkoi literature. Problemy poetiki. M., 2002.
40. *Zolotarev I. L.* Traditsii fantasticheskoi povesti 30-kh godov XX veka v «Pikovoi dame» A. S. Pushkina, «Shtosse» M. Iu. Lermontova // *Izvestiia Rossiiskogo gos. pedagogicheskogo un-ta im. A. I. Gertsena*. 2009. № 119.

Людмила Евгеньевна Мисайлиди

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Liudmila Ievgen'evna Misailidi

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0008-7410-0422

misailidy@mail.ru

ПОСЛЕДНИЙ АДРЕСАТ К. Н. БАТЮШКОВА

K. N. BATIUSHKOV'S LAST ADDRESSEE

Статья посвящена малоизвестному корреспонденту К. Н. Батюшкова П. И. Белецкому, учителю истории в 1-м и 2-м кадетских корпусах, необоснованно осужденному по делу петрашевцев и отбывавшему ссылку в Вологде с 1849 по 1853 год. Знакомство ссыльного с поэтом произошло не ранее 1852 года. Личность Белецкого, яркого представителя поколения 1840-х годов, неизвестные факты его биографии раскрываются на основе документальных материалов, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, Рукописном отделе РНБ, РГИА, ГАВО.

Ключевые слова: Батюшков и его окружение в Вологде, преподаватель истории, петрашевцы, следственное дело, ссылка, писцовые книги.

The article deals with K. N. Batiushkov's obscure correspondent P. I. Beletsky, a history teacher in the First and Second Military Cadet Schools, falsely accused of taking part in the Petrashevsky Coup and exiled to Vologda in 1849–1853. The exiled teacher met the poet after 1852. The personality of Beletsky, a vivid representative of the 1840s generation, and the previously unknown facts of his life are revealed through the data from the Manuscript Department, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences; Manuscript Departments of the National Library of Russia, Russian State Historical Archive, State Archive of Vladimir Region.

Key words: Batiushkov and his Vologda milieu, history teacher, Petrashevsky, trial, exile, record books.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
2. Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / Публ. В. А. Кошелева // Новиков Н. Н. К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005.
3. Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1937–1951.
4. Дневник Кирилла Антоновича Березкина. СПб., 2014.
5. Дубельт Л. В. Записки для сведения. 1849 // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая сер. MMIV. М., 2005.
6. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.
7. Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий. Череповец, 2007.
8. Мисайлиди Л. Е. «Собственность слепца Г. И. Ширяева»: из истории формирования батюшковских фондов в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020.
9. Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. М., 2008.
10. Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века. Вологда, 2018. Т. 3.
11. Шульпяков Г. Ю. «...Заживо познавший свой закат...» Из дневника доктора Антона Дитриха // Вопросы литературы. 2022. № 5.

References

1. Batiushkov K. N. Soch.: V 2 t. M., 1989. T. 2.
2. Delo petrashevtssev: V 3 t. M.; L., 1937–1951.
3. Dnevnik Kirilla Antonovicha Berezkina. SPb., 2014.
4. Dubel't L. V. Zapiski dlia svedeniia. 1849 // Rossiiskii arkhiv. Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Novaia ser. MMIV. M., 2005.
5. Koshelev V. A. Konstantin Batiushkov. Stranstviia i strasti. M., 1987.
6. Lazarchuk R. M. K. N. Batiushkov i Vologodskii krai. Iz arkhivnykh razyskanii. Cherepovets, 2007.
7. Misailidi L. E. «Sobstvennost' sleptsia G. I. Shiriaeva»: iz istorii formirovaniia batiushkovskikh fondov v Pushkinskom Dome // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god. SPb., 2020.
8. Pistsovyie i perepisnye knigi Vologdy XVII — nachala XVIII veka: V 2 t. M., 2008.
9. Pistsovyie, perepisnye i dozornye knigi Vologdy XVII veka. Vologda, 2018. T. 3.
10. Shul'piakov G. Yu. «...Zazhivo poznavshii svoi zakat...» Iz dnevnika doktora Antona Ditrikha // Voprosy literatury. 2022. № 5.
11. Vlasov A. S. Zametki o zhizni K. N. Batiushkova v Vologde / Publ. V. A. Kosheleva // Novikov N. N. K. N. Batiushkov pod gnetom dushevnoi bolezni: Istoriko-literaturnyi psikhologicheskii ocherk. Arzamas, 2005.

Евгения Борисовна Смагина

зав. Отделом истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН

Evgeniya Borissovna Smagina

Head of the Department of History and Culture of Ancient Orient,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9816-6997

esmagi54.54@mail.ru

**МОТИВЫ БИБЛЕЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕМУДРОСТИ»
В АФОРИЗМАХ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА**

**MOTIFS OF THE WISDOM LITERATURE
IN THE APHORISMS BY KOZMA PRUTKOV**